

Уже скользя на розовых стопах,
С востока утро близилось, на дол
Заморские роня жемчуга,
Когда Адам восстал в обычный срок
От сна воздушно легкого, вкушал
Он пищу только чистую и в нем
Кровь чистая текла, а потому
И сон его от лепета листвы
И плеска ручейков, от песни птах
Рассветной, меж ветвей, от опахала
Аврорина, развеивался вмиг.
С тем большим изумленьем он узрел,
Что, кудри в беспорядке разметав,
В тревожном сне, с пылающим лицом,
Не пробудилась Ева. К ней склонясь,
Полупривстав, на локоть опершись,
Наш Праотец любовно созерцал
Очаровательную красоту
Жены прельстительной равно во сне
И наяву, он Евиной руки
Едва коснувшись, ласково шепнул,
Умильного дыхания нежней,
Которым Флору обдаёт Зефир:
"Прекраснейшая, лучшая моя,
Найденная! Последний, лучший дар
Небес! Неиссякаемый родник
Вс? Новых нег! Проснись! Уже рассвет
В сверканье, освеженные поля
Зовут. Мы тратим дивный час, когда
Могли б следить, как нежные взошли
Растения, как роща расцвела
Лимонная, как мирра и тростник
Целительный сочатся, как Природа
Пестреет вновь, как, прилепясь к цветку,
Пчела сосет пахучий, сладкий сок!"

Так он шептал, она же обняла
Его, промолвив с ужасом в глазах:
"Единственно в тебе заключены
Стремленья все мои, единый ты
Мое блаженство, слава и покой.
Отрадно видеть вновь твое лицо
И возвращенье утра! Нынче ночью
(Подобной не знавала я досель),
В виденье сонном, если это сон,
Ни ты мне не явился, ни труды
Вчерашние, ни замыслы работ
Сегодняшних. Обида и тоска,
Которых я до этой ночи злой
Не ведала, тревожили меня,
И мнилось: кто-то ласково шептал
Мне на ухо, я думала сперва,
Что это голос твой. Он говорил:
"Зачем ты, Ева, спишь? Царит пора
Волшебная прохлады и молчанья,
Лишь сладостные трели певуна
Бессонного, ночного в тишине,
Любовью вдохновенные, звучат.
Владычит нолнолунье, мягкий свет
Обличье призрачное придает
Всему, но тщетно: этого никто
Не видит. Недреманные глаза
Небес отверсты, чем же любоваться,
Как не одной тобой, они хотят,

Природы утешеньем? Целый мир,
Обвороженный прелестью твоей,
Глядит не наглядится на тебя!"

Восстала я на этот зов, но ты
Отсутствовал, на поиски решаешь,
Одна я долго разными брела
Тропинками и очутилась вдруг
У Древа запрещенного познания.
Оно прекраснее, чем наяву,
Казалось. Я смотрела на него,
Дивясь и вижу: рядом с ним стоит
Крылатый некто, жителям Небес
Подобный, нам являвшимся не раз,
Амврозия сочилась, как роса,
С его кудрей, на Древо он глядел
И говорил: "О дивное растение,
Плодами отягченное! Ужель
Никем не будешь ты облегчено
И не вкусят ни Бог, ни Человек
От сладости твоей? Ужель познание
Столь гнусно? Кто усладу запретить
Способен? Только Зависть. Налагай
Запрет кто хочет, я не отступлюсь
От благ твоих, иначе бы зачем
Ты здесь росло!" Сказав, он плод сорвал
Бесстрашно и вкусил. От наглых слов
И наглого поступка обмерла
В испуге я, но он вскричал: "О плод
Волшебный, сладостный сам по себе,
Но сорванный, запрету вопреки,
Вдвойне сладчайший! Возбраненный здесь,
Ты, верно, предназначен для богов,
Но мог бы и людей обожествить.
А почему богами им не стать?
Чем благо уделяется щедрей,
Тем больше множится. Не бедняком
Дающий будет, но себе хвалу
Стягает вящую. Так подойди,
Сияющее ангельской красотой
Блаженное созданье! Причастись
И ты со мной! Счастливая теперь,
Ты можешь быть счастливее во сто крат,
Хоть не прибавишь новых совершенств,
Вкуси! В кругу богов богиней стань,
Землей не скованная, воспари,
Нам уподобясь, взвейся в Небеса,
Которых ты достойна и взгляни
На жизнь божеств, ты так же заживешь!"

Сказав, он подступил и часть плода
К моим устам приблизил. Аромат
Такое вожделение разжег
Во мне, что я бороться не могла
И соблазнилась. Тотчас к облакам
Взлетели мы, простерлась подо мной
Поверхность необъятная Земли,
Являя величавый ряд картин
Разнообразных. Диву я далась,
Витая на подобной высоте.
Вдруг спутник мой пропал и я, стремглав
Сорвавшись, погрузилась в забытие.
Как рада я очнуться и сознать,
Что это было только сном!" В ответ

На повесть Евы о минувшей ночи
Промолвил опечаленный Адам:
"О половина лучшая моя,
Подобье лучшее! С тобой делю
Смятение. Боюсь, что странный сон
От злой причины. Но от куда зло?
Ты непорочной создана, в тебе
Его не может быть. Но знай, у нас
Гнездится в душах много низших сил,
Подвластных Разуму, за ним, в ряду,
Воображенье следует, оно,
Приемля впечатления о внешних
Предметах, от пяти бессонных чувств,
Из восприятий образы творит
Воздушные, связует Разум их
И разделяет. Все, что мы вольны
Отвергнуть в мыслях или утвердить,
Что знаньем и сужденьем мы зовем,
От сюда возникает. Но когда
Природа спит и Разум на покой
В укромный удаляется тайник,
Воображенье бодрствует, стремясь,
Пока он отлучился, подражать
Ему, однако, образы связав
Без толку, представленья создает
Нелепые, тем паче, - в сновиденьях,
И путает события и слова
Давно минувших и недавних дней.
Сдается мне, что на вчерашний наш
Вечерний разговор твой сон похож,
Но с прибавленьем странным. Не грусти!
Порой в сознание Бога и людей
Зло проникает, но уходит прочь,
Отвергнутое не чиня вреда,
Не запятнав и это подает
Надежду мне, что страшного проступка,
Так испугавшего тебя во сне,
Ты наяву вовек не повторишь.
Не огорчайся же, не омрачай
Свой взор, что безмятежнее всегда
И радостней, чем утренней зари
Улыбка первая! Пойдем к трудам
Приятным нашим, в рощах, у ручьев
Среди цветов, струящих аромат
Из чашечек открытых, где всю ночь
Они его копили для тебя!"

Адам утешил милую супругу,
Но две слезинки на ее глазах
В молчанье проступили и она
Отерлась волосами, капли две
Другие, драгоценные, вот-вот
Прольются из хрустальных родников,
Но поцелуем осушил Адам
Раскаянья прелестные следы
И полусознанной, благочестивой
Боязни пред грехом, грозившим ей.
Все прояснилось и пора в поля
Супругам, но сперва, покинув сень,
Наружу выйдя, на дневной простор,
Где Солнце выкатилось в этот миг
Над краем океана и лучи
Росистые полого протянув,
С Востока озарило весь Эдем

И Рай счастливый, здесь они, склонясь
Благоговейно, с искренней любовью,
Молитву утреннюю вознесли,
Творимую усердно день за днем,
Всегда на разный лад. Неистощимы
Высказыванья их высоких чувств,
Святой восторг внушает им слова
Все новые, достойные хвалу
Создателю и в песнях и в речах
Воздать, без подготовки, их уста
Вещали складно прозу и стихи
Столь сладкогласные, что звуки арф
И лютен не могли бы им придать
Гармонии. Они молились так:

"Вот славные творения Твои,
Отец Добра всемогущий, мирозданье
Воздвигший дивно. Так насколько ж Сам
Неизреченный дивен, чей Престол
Над всеми Небесами вознесен!
Невидимый, Ты слабо различим
В созданиях малейших, но и в них
Твоя неограниченная власть
И благодать явлены. Нет, лучше вы,
О Дети Света, Ангелы, о Нем
Поведайте! Творца дано вам зреть
Воочию и хором прославлять
В симфониях и гимнах, окружив,
Ликуя, Божий Трон, в течение дня
Бескрайнего! Все твари на Земле
И в Небесах да восхвалят Его!
Он первый, Он последний, Он срединный
И бесконечный. Ты, из роя звезд
Прекраснейшая! Хоровод ночной
Ты замыкаешь, над тобой права
Теряет мрак, и ты, залогом став
Надежным дня, улыбчивый рассвет
Сверканием венчаешь! Славь Творца
В своей небесной сфере, в сладкий час
Рожденья первых утренних лучей!

Ты око мирозданья и душа,
О Солнце! Чти Владыку в Нем, хвалу,
Вращаясь вечно, Богу возглашай
Когда восходишь, и когда стоишь
В зените и когда заходишь вновь!
Луна! Порой ты Солнце на заре
Встречаешь и порою прочь с толпой
Звезд неподвижных, что утверждены
В подвижной сфере, от него бежишь,
Вы, пять блуждающих небесных тел,
В таинственном кружащиеся танце,
Под звуки тихие, воздайте все
Хвалу Тому, кто свет из тьмы исторг!
Ты воздух! Вы стихии! Дети недр
Старейшие Природы! Вчетвером,
Безостановочно по кругу мчась,
Все вещи смешивая и питая,
В несметных превращениях, вы должны
Всё новые хваленья воздавать
Тому, кто мирозданье сотворил!

Пары, туманы, от холмов и вод
Плывущие угрюмой, серой мглой,

Покуда Солнце не позолотит
Кайму шерстистую, вздымайтесь в честь
Творца Вселенной! Тучами застлав
Пустынный небосвод, обильный дождь
Ниспосылая жаждущей земле,
В подъеме и падении, всегда
Провозглашайте славу Божеству!
О ветры! Вей с четырех сторон,
Прославьте Устроителя миров
Дыханьем вашим тихим или бурным!
Вы, сосны и другие деревья!
Пригните кроны, кланяясь Ему!
Воспойте, благозвучные ручьи,
Творца, певучим ропотом своим!
Пусть объединятся голоса
Всего живого! Птицы! Вы к вратам
Небесным устремляете полет
Вамб каждой песней, каждым взмахом крыл
Царя Небес пристало величать!
Вы, плавающие в воде и вы,
Ступающие гордо по земле,
Вы, пресмыкающиеся по ней
Униженно, свидетельствуйте все:
Храню ли я молчанье поутру
И ввечеру, долины и холмы,
Ручьи и рощи песней поучая
Всевышнего ответно воспевать!
Хвала тебе, Вселенной Властелин!
Будь милостивым к нам и подавай
Одно лишь благо! Если ночь таит
Иль порождает зло, его рассей,
Как темноту рассеивает свет!"

Невинные, они молились так,
И прочное спокойствие и мир
Их души обрели. Они спешат
К работам утренним и по росе
Прекрасной, по цветам туда идут,
Где слишком буйно ветви разрослись
Дерев плодовых, где потребны руки,
Дабы прервать излишних сучьев рост,
А праздные, заставить вновь родить.
Им так же надо с вязом сочетать
Плеть виноградную и вот лоза
К супругу льнет, как вено принося
Тугие грозды, чтоб его листву
Бесплодную украсить. Царь Небес
На их старанья с жалостью глядел
И Рафаила подозвал к себе,
Дух доброхотный этот, снизойдя,
В дороге Товия сопровождал
И в браке с девой, что обручена
Была семижды, спас его от смерти.

"Ты слышал, Рафаил, сказал Господь,
Какую смуту учинил в Раю
Из Ада ускользнувший Сатана,
Успешно бездну тьмы преодолев,
Как он супругов ночью возмущал,
Чтоб их и заодно весь род людской
Сгубить. Поговори, как с другом друг,
Полдня с Адамом, ты его найдешь
Под сенью кущи иль в тени древес,
Где пищу он, пережидая зной,

Вкушает, повседневный труд прервав
Для отдыха. В беседе растолкуй,
Сколь он безмерно счастлив и внуши,
Что вправе счастьем он располагать
По воле собственной, что эта воля
Свободна, но переменчива и пусть
Сие запомнит, преподай совет
Быть осторожным, чтоб на ложный путь
В беспечности излишней не вступить,
Ему открой грозящую опасность
Со стороны коварного Врага,
С Небес низверженного и теперь
Замыслившего и других склонить
К паденью, чтоб лишились и они
Блаженства. Применив насилие? Нет!
Насилие было бы отражено,
Враг пустит в ход предательство и ложь.
Открой Адаму всё, дабы не мог
Оправдываться, если он падет
По воле собственной, что мол, врасплох
Застигнут был и что его никто
Не вразумил и не предостерег!"

Так, правосудно, Вечный наш Отец
Изрек. Не медля, получив приказ,
Гонец летучий взвился, отделись
От сонма Духов, среди которых он
Стоял, прикрывшись пышными крылами,
И Ангельские хоры перед ним
Повсюду расступались на пути,
Пока он Эмпирей пересекал
В полете и достиг Небесных Врат,
Что сами распахнулись широко
На петлях золотых, Державный Зодчий
Столь дивное устройство смастерил.
С порога Врат ни туча, ни звезда,
Ничто ему не преграждало взор,
Хотя от прочих блещущих шаров
Земля не отличалась и была
Невелика, он разглядел ее
И на господствующей высоте,
Среди окруженья кедров, Божий Сад.
Так видел ночью, с помощью стекла,
Материки и страны на Луне
Воображаемые Галилей,
Но с меньшей четкостью, так мореход
Среди Циклад плывущий, острова
Самое и Делос видит вдалеке,
Подобно клочьям пара. Дух к Земле,
Сквозь ширь эфирную свой быстрый лет
Направил, среди бесчисленных миров.
То на крылах надежных он парил
В полярных ветрах, то, за взмахом взмах,
Покорный воздух мощно рассекал.
До уровня парения орлов
Он снизился. Пернатый мир почел
Его за Феникса, и все, дивясь,
В нем ту единственную птицу видят,
Спешащую к стенам стовратных Фив
Египетских, дабы сложить свой прах
В блестящем храме Солнца. Вот в Раю
Он плавно опустился на утес
Восточный, Серафима вид приняв
Правдивый свой, шестью крылами стан

Его божественный был осенен,
Два первые ниспав с широких плеч,
Как мантия, достойная царей,
Окутывали грудь, иные два
Как звездный пояс облегли чресла,
Скрывая бедра пухом золотым,
Пестревшим всеми красками Небес,
А третьи словно панцирь перяной,
Одели ноги, от колен до пят,
Лазурью ослепительною, так,
Подобно сыну Майи, он стоял,
Крылами потрясая и вокруг
Благоуханье дивное лилось.
Сторожевыми Ангелами он
Немедля узнан. Все пред ним встают,
Высокий почитая ранг посла
И важное задание, что ему
Поручено бесспорно. Миновав
Охраны Райской пышные шатры
И рощи мирры, где бальзам и нард,
И кассия струили аромат
Цветочный благовонье глухотомани,
Пришел он в дол благословенный, здесь
Природа, в юной щедрости своей,
Воображенью девственному дав
Свободу, прихотливо создала
Обилье роскоши, превосходя
Великолепьем диким чудеса,
Что созданы по правилам искусства.
Расположась у входа шалаша
Прохладного, Адам гонца узрел,
В благоуханной роще, меж стволов,
Грядущего навстречу. Той порой
Уже к зениту Солнце поднялось,
Меча на Землю жгучие лучи,
И чтоб глубины темных недр согреть,
Давало много больше ей тепла,
Чем нужно Праотцу. В тенистой куще
Рачительная Ева, как всегда,
Обед из сочных, наливных плодов
Готовила, способных насыщать
Проголодавшихся, питьем служил
Нектар из разных ягод, винных грозд
И молока. Адам воззвал к жене:

"Спешу, о Ева! Посмотри на нечто,
Достойное вниманья твоего:
С востока, из-за рощи, к нам идет
Созданье дивное. Как будто вновь
Денница в полдень вспыхнула! Посол,
Возможно, с вестью важной от Небес
Явился и возможно, гостем он
Сегодня будет нашим. Торопись,
В избытке все припасы принеси,
Чтоб странника небесного принять
С почетом. Воздадим же, не скупясь,
Дарителю дарами, от щедрот,
Нам уделенных, щедро уделим.
Чем больше многоплодная дарит
Природа, тем становится она
Производительней и учит нас
Не скряжничать!" В ответ сказала Ева:
"Адам, священный образ, прах земной,
Одушевленный Богом! Невелик

Запас потребный. Каждая пора
Растит его для нас и круглый год
На ветках зреет множество плодов.
Храню лишь те, которых сок, сгустясь
От времени, питательность и вкус
Им придает особый. Но сейчас
Немедля я с деревьев и кустов,
Со всех растений, лучшие сорву
Плоды, чтоб гостя потчевать. Пускай
Увидит он, что в равной мере Бог
Благотворит и Небу и Земле!"

Сказав, она поспешно отошла,
Взирая хлопотливо и полна
Забот радушных: что из лучших яств
Избрать, в каком порядке подавать,
Сообразуя вкусы их, дабы
Не спорили между собой, - напротив,
Друг друга возвышали чередой.
Все лучшее она брала с ветвей,
Что только всеродящая Земля
Дарит в обеих Индиях, равно
На взморьях Понта и на берегах
Пунических и там, где Алкиной
Владычил: плотнокожие плоды
И нежнокожие, одни в пушке
Ворсистом, а другие в скорлупе,
И таровато ставила на стол.
Затем она безгрешное питье
Из гроздий выжала и сладкий сок
Из ягод разных, лакомые сливки
Из косточек душистых извлекла,
Сосуды чистые у ней в достатке,
И под конец пахучею листвою
Устлала пол и ворохами роз.

Тем часом устремился Прародитель
Навстречу гостю дивному, иной
Он свитой, кроме полных совершенств
Своих не обладал и составлял
Свой штат придворный сам. Он шел один,
Величественней скучных и помпезных
Кортежей княжеских, где на шить?
Галунной челяди, что в поводу
Ведет роскошно убранных коней,
На золото ливрей и чепраков
Глазеет ослепленная толпа.
Приблизившись, Адам возговорил
Без страха, но с почтением склонись,
Как должно перед высшим существом:
"О житель Неба! Ибо только там
Столь царственный возникнуть облик мог,
Покинув трон заоблачный, края
Блаженные, ты низошел сюда,
В обширную страну, лишь нам двоим
Дарованную Богом. Удостой
В тенистой куще этой отдохнуть,
Отборное вкушая из того,
Что здесь растет. Побудь, пока дневной
Не схлынет зной и Солнце на закат
Не повернет, смягчив свои лучи!"
Умильно Ангел доблестный в ответ
Сказал: "Затем я и пришел сюда.
Ты сотворен таким и твой таков

Приют земной, что даже Духов Неба
Прельщает к посещенью. Отведи
Меня в твое жилье. Свободен я
От полдня и до вечера!" Они
Направились к лесному шалашу
Улыбчивому, словно сень дерев
Помоны и цветочный аромат
Струившему, а Ева, лишь собой
Украшена, прелестней и милей
Дубравной нимфы или самой дивной
Из трех, на Иде споривших, нагих
Богинь, ждала, чтоб гостю угождать
Небесному. Покровы не нужны
Для чистой духом: никакая мысль
Нескромная румянца на щеках
Вовек не порожидала. Рафаил
С приветом обратился к ней святым,
Впоследствии Пречистую Марию -
Вторую Еву Ангел точно так
Приветствовал: "Возрадуйся, о Мать
Людского рода! Населишь весь мир
Ты детищами чрева твоего,
И будут многочисленней они
Плодов, что отягчают этот стол!"
Сиденьями из моха окруженный,
Бугор дерновый им столом служил,
От края и до края, на большом
Его квадратном срезе, все дары
Осенние ласкали взор, но здесь
Всегда с Весной плясала заодно
В обнимку Осень. Велся разговор
Неспешно, без опаски, что еда
Простынет и Адам уста отверз:
"Вкуси, Небесный гость, от разных яств,
Которые Земле Кормилец наш,
Податель щедрый совершенных благ,
Для пропитанья нашего велел
И услаждения производить!
Такая пища, может не вкусна
Бесплотным Духам, но еды другой
Не ведаю, лишь эту нам дает
Отец Всевышний!" Ангел отвечал:
"Всё то, что Человеку, существу
Отчасти и духовному, Господь
(Хвала Ему вовеки!) дал во снедь,
Не может неприятным быть на вкус
Чистейшим Духам, будучи сполна
Духовными, нуждаются они,
Подобно вам, разумным тварям, в пище,
Поскольку чувства низшие равно
Имеются у тех и у других:
Вкус, обонянье, осязанье, слух
И зрение. Вкушая пищу, мы
Ее усваиваем, претворив
Телесное в бесплотное. Узнай:
Всему, что Господом сотворено,
Потребна пища, легким элементам
Дают питанье грубые, Земля
Питает море, суша и вода
Питают воздух, воздух же рои
Светил эфирных, первоочередно
Луну, ближайшую из них,
А пятна, испещряющие диск
Луны, не что иное, как пары

Нечистые не ставшие еще
Ее субстанцией. Луна другим
Планетам высшим от своей сырой
Поверхности питание струит,
А Солнце, освещая все миры,
Их влажным истечением взамен
Питается и пищу ввечеру
Вкушает, погружаясь в океан.
Хоть в Небесах амврозией полны
Плоды Деревьев жизни, а лоза
Дарит нектар, хоть мы с ветвей росу
Медвяную собираем по утрам,
Хоть почва устлана жемчужной манной,
Но доброта Творца и на Земле
Рассыпала обилье новых благ,
С небесными сравнимых. Посему
Не мни, что хлебосольством я твоим
Пренебрегу!" И так, пришла пора
Для трапезы, вкушал и Ангел, нет,
Не для отвода глаз, как богословы
Иные судят! Он со вкусом ел,
Являя голод истинный и жар
Пищеваренья, Духи без труда
Все лишнее способны испарять.
Не диво! Ведь при помощи огня
Коптящих углей может превратить
Алхимик, или думает, что может,
Металл, рожденный шлаковой рудой,
В отменнейшее золото. Меж тем
Праматерь в чаши сладкое питье
Струила, служа за столом
Нагая. О, достойная Эдема
Невинность! Если Божьи Сыновья
Влюблялись некогда, то только здесь
Простительной была бы эта страсть,
Но возделенье чуждо их сердцам
И ревность ад обманутой любви.
Когда пьем и лакомой едой
Они насытились не отягчась,
Адаму вздумалось не упустить
Благоприятный случай и узнать
В беседе этой важной о ином,
Нездешнем мире и о существах
Небесных, столь его превосходящих
Во всем, чьи лики излучают свет
Божественный, чья затмевает мощь
Людские силы. Так сообразив,
Он спросил посланника Небес:

"О приближенный Божий! Сознаю,
Как Человека ты почтил, сойдя
Под этот скромный кров и от земных
Вкусив плодов, которые отнюдь
Не пища Ангелов, ты их вкушал
С такой охотой, будто на пирах
Небесных не вкушал от лучших яств,
Их разве можно с нашими сравнить?"

Крылатый Иерарх сказал: "Адам!
Един Господь, всё только от Него
Исходит и к Нему приходит вновь,
Поскольку от добра не отреклось.
Всё из единого правещества,
В обличиях различных, безусловно

Сотворено, различных степеней
Субстанция уделена вещам,
Так, на различных уровнях дана
И жизнь живым созданиям, они
Тем чище, утонченней и духовней,
Чем пребывают ближе к Божеству,
Чем истовей, на поприщах своих,
К Нему стремятся, всяческая плоть
По мере сил способна духом стать.
Так с легкостью восходит от корней
Зеленый стебель и растит листву
Воздушной, а за ней цветок
Верх совершенства, издающий дух
Пахучий, так цветок и плод его
Усвоенная Человеком снедь,
В нем совершенствуются, обратясь
Духовностью живительной, равно
Животной и разумной, жизнь творят,
Сознание, смысл, воображение, чувство,
От коих разум черпает душа
Двоякий: первый в логике силен,
Другой асе в созерцании. У людей
Преобладает первый, нам присущ
Второй, у них одна и та же суть,
Различна только мера. Не дивись,
Что блага, вам врученные Творцом,
Не отвергаю, но переварив,
Преображаю в собственный состав.
В свой срок, возможно, люди перейдут
На пищу Ангельскую не считая
Ее чрезмерно легкой. При таком
Питании, верно, станут их тела
Со временем субстанцией духовной
И нам в подобие, окрылясь, взлетят
В эфир и по желанью обитать
В Раю небесном будут или здесь.
Все это исполнимо, если вы
Покорство соблюдете и любовь
Незыблемую к вашему Творцу.
Пока же наслаждайтесь полнотой
Блаженства, вам доступного, вместить
Иное, вящее, вам не в подъем."

Людского рода Патриарх сказал:
"Ты дивно обозначил правый путь,
Последуя которому пройти
Всю лестницу Природы разум наш
От центра до окружности способен,
И в лицезрении Господних дел
Мы, шаг за шагом, можем вознестись
К Создателю. Но молви что твое
Остережение значит: "Если вы
Покорство соблюдете?" Как возможно
Ослушаться и разлюбить Творца,
Из праха нас воздвигшего, в Раю
Устроившего, среди безмерных благ,
Превысивших все то, что Человек
Способен пожелать и воспринять!"

"Знай, сын Земли и Неба! молвил Гость,
По милости Господней ты блажен,
Продление же блаженства от тебя
Зависит, от покорности твоей.
Вот суть остережения: твердым будь!

Ты создан совершенным, но превратным,
Ты создан праведным, но сохранить
В себе добро ты властен только сам,
Зане свободной волей одарен,
Судьбе не подчиненной или строгой
Необходимости. Желает Бог
Покорства добровольного, отнюдь
Не приказного, никогда Господь
Его не примет. Да и как принять?
Как в сердце несвободном различить
С охотою иль подъяремно служит,
Лишь поневоле, ибо так велит
Судьба и выбора иного нет?
Я сам и Ангелы, что предстоят
Престолу Божию, блаженство длим
Подобно вам, поскольку мы верны
Покорству: нет у нас других порук.
Свободно служим Богу из любви
Свободной. Мы вольны Его любить
Иль не любить, сберечься или пасть.
Ведь пали некие благодаря
Ослушеству, их в глубочайший Ад
С Небес низверг Всевышний. О, паденье
С высот блаженства в бездну адских мук!"

Наш Предок молвил так: "Твои слова,
Наставник дивный, выслушаны мной
С вниманьем глубочайшим, эта речь
Мне слаще херувимских голосов,
Поющих гимны горние в ночи
С холмов окрестных. Ведаю равно,
Что в действиях, в желаньях сотворен
Свободным, но уверен, что любовь
К Творцу и праведный Его завет
Покорства не забуду никогда.
Так мыслил прежде, мыслю и теперь.
Но то, что в Небе, по твоим словам,
Произошло, сомнение родит
Во мне, но пуще жажду услышать,
Коль ты изволишь, полный пересказ.
Он, верно, будет странен и ему
Внимать в благоговейной тишине
Пристало. Долог день. Лишь полпути
Свершило солнце, на другую часть
Стези небесной только что вступив!"

Так он просил и Рафаил, чуть-чуть
Помедлив, начал так повествовать:
"О необъятном, Первочеловек,
Ты просишь. Горестный и тяжкий труд
Подъять я должен. Как я передам
Уму людскому о незримых битвах
Бесплотных Духов? Как я не скорбя,
Поведать о гибели могу
Столь многих, прежде славных и благих,
До их паденья? Как я, наконец,
Иного мира тайны обнажу,
Закона не нарушив? Но сие
Дозволено для твоего добра.
А то, что Человеку не постичь,
Я разъясню, духовное сравню
С телесным, ведь возможно, что Земля
Лишь тень Небес и то, что там и здесь
Вершится, больше сходства меж собой

Оказывает, чем сдается вам.
Вселенной этой не было еще,
И правил дикий Хаос, где теперь
Кружатся небеса и на своем
Основан центре шар земной и так,
В один из дней (ведь Время, приложась
К движенью, даже в Вечности самой
Все вещи измеряет настоящим,
Прошедшим и грядущим), в некий день,
Из коих состоит великий год
Небесный, эмпирейские войска,
Со всех концов, на высочайший зов
К Престолу Всемогущего сошлись.
Блистали Иерархи во главе,
Тьмы тем значков, хоругвей и знамен
Вились над ними в воздухе, чины
И саны означая, и несли
На тканях вышитые драгоценных
Изображенья памятные дел
Прославленных и подвигов любви
И ревности святой. Когда полки
В пространстве необъятном Божий Трон
Кругами обступили, к ним изрек
Отец Предвечный с пламенной горы,
Чей гребень так сиял, что был незрим.
В блаженстве одесную восседал
Сын Божий и Господь промолвил так:
"Вы, чада света, Ангелы, Князья,
Престолы, Силы, Власти и Господства?
Вот Мой неукоснительный завет:
Сегодня Мною Тот произведен,
Кого единым Сыном Я назвал,
Помазал на священной сей горе
И рядом, одесную поместил.
Он ваш Глава. Я клятву дал Себе,
Что все на Небесах пред ним склонят
Колена, повелителем признав.
Вы под Его водительством должны
Для счастья вечного единой стать
Душой неразделимой. Кто Ему
Не подчинен, тот непокорен Мне.
Союза нарушитель отпадет
От Бога, лицезрения лишась
Блаженного и вверженный во тьму
Кромешную Геенны, пребывать
В ней будет, без прощенья, без конца!"

Всех, мнилось, восхитила речь Царя,
Однако же не всех. Вокруг священной
Горы, как всякий праздник, этот день
Мы в песнопеньях, в плясках провели
Таинственных, что сходственны весьма
С причудливым движением планет,
С вращеньем сферы неподвижных звезд,
Сплетаются светила и петлят
Тем правильней, чем выглядит бессвязней
Их мнимо беспорядочный пробег,
И гармоничный этот хоровод
Божественный сопровождается такой
Волшебной музыкой, что сам Господь
С восторгом ей внимает. Наступил
Вечерний час (хоть нет прямой нужды,
Но для разнообразья вечера
И утра чередуются у нас),

И после пляски подошла пора
Сладчайшей трапезы. Везде столы
Возникли, там, где строим круговым
Стояли сонмы, ангельская снедь
Явилась вмиг, рубиновый нектар
Плескался в тяжких чашах золотых,
Алмазных и жемчужных, дивный сок
Бесценных гроздий эмпирейских лоз.
В венцах цветочных, лежа на цветах,
Бессмертьем радостно упоены,
Вкушали Духи яства и питье
В согласье чудном. Не грозила им
Опасность пресыщенья, ибо там
От крайностей избыток бережет,
Так услаждались Жители Небес
Пред расточавшим щедрые дары
Владыкой всеблагим, что разделял
Их счастье. Вот уже слетела ночь
Амврозийная с облачных высот
Горы Господней, где рождаются тень
И свет, и небосвод сменил свой лик
Лучистый на приятный полумрак.
(Ведь ночи в том краю покровом тьмы
Не облакаются.) На всех роса
Ниспала розовая, наклонив
Ко сну. Лишь недреманное вовек
Не спит Господне Око. На бескрайной
Равнине, превзошедшей шар земной
И вширь и вдаль, когда б развернут был
Он в плоскость (неоглядно велики
Владенья Божьи!), Ангельская рать
Свой стан разбила подле рек живых,
В тени Деревьев жизни. В краткий миг
Восстали неисчетные шатры
И скинии, где, свежим ветерком
Овеянные, безмятежный сон
Вкушали Ангелы, помимо тех,
Кто вокруг Престола Бога, в свой черед,
Повинны были гимны возглашать
Хвалебные, до самого утра.
Не спал и Сатана. Отныне так
Врага зови, на Небе не слышать
Его бывшего имени теперь.
Один из первых, первый, может быть,
Архангел по могуществу и славе,
Всевышним взысканный превыше всех,
Он завистью внезапной воспылал,
Затем, что Сына Бог-Отец почтил,
Столь возвеличив и Царем нарек,
Помазанным Мессией. Гордый Дух
Снести не мог соперничества, счел
Себя униженным, досада в нем
И злоба угнездились глубоко,
Когда полночный, сумеречный час
Ко сну призвал умильно, к тишине,
Свои полки он увести решил,
С презрением покинуть вышний Трон,
Которому в покорстве присягал,
И разбудив того, кто был вторым
По рангу, прошептал ему тайком:

"Спишь, дорогой собрат? Как сон возмог
Сомкнуть глаза тебе? Ужели ты
Забыл веление, что изошло

Вчера из уст Всемощного? Привык
Ты помыслы делить со мной, равно
Тебе я открывался. Были мы
Едины, бодрствуя, неужто нас
Твой сон разрознит? Новый возглашен
Завет Монарший, повод он дает
Подвластным для соображений новых.
Возможные последствия должны
Мы обсудить, но этот разговор
Опасен здесь. Немедля собери
Всех полководцев наших, передав,
Что отдан нам приказ: покуда ночь
Еще свою не удалила тень,
Да поспешат с войсками, чьи знамена
Под властью развеваются моей,
Домой, на Север, в наш исконный край,
Чтоб лучше подготовить мы могли
Прием, достойный нового Царя,
Великого Мессии, заодно
Его указы новые узнать.
Он иерархии намерен все
В ближайший срок с триумфом обозреть,
Свои законы возглашая нам."

Так лжец Архангел молвил и собрат
Его нестойкий, злому подчинясь
Влиянию, начальников созвал
Нижестоящих, каждому из них
Пересказал полученный приказ
Главнокомандующего: пока
Завесу мрака Ночь не совлекла
С Небес, мы стяг великий распустив
Иерархический, должны начать
Отход всеобщий, тут же он привел
Причину вымышленную отхода,
Коварные намеки между тем
Бросая, подстрекал и разъярял,
Чтоб верность полководцев испытать
Иль совратить лукавством, но они
Велению великого Вождя
Верховного привычно, как всегда,
Повиновались, ибо он и впрямь
На Небе был прославлен больше всех
И в чине наивысшем состоял,
Подобный ликом Утренней звезде,
Рои светил ведущей, он увлек
Обманом третью часть Небесных войск.
Но Оком, от которого не скрыть
Подспудных мыслей, потаенных дум,
Предвечный, с высоты горы священной,
Где ночью золотые перед Ним
Светильники пылали, увидал,
В них не нуждаясь, как возжегся бунт
Меж сыновьями утра, кто мятеж
Затеял, кто к восстанию примкнул
И сколько сил, присяге изменив,
Державную оспаривают власть,
И Сыну Он сказал с улыбкой так:

"Сын, в коем вижу славу всю Мою
Отображенной, Трона Моего
Наследник! Знать, пора пришла расчесть,
Как Наше всемогущество сберечь,
Каким оружием Нам защитить

То, что Божественностью искони
И властью царской Мы зовем. Восстал
Заклятый враг на Нас, дабы в краю
Полночном, вровень с Нашим, свой престол
Воздвигнуть, мало этого права
И силы Наши в битве испытать
Он алчет. Станем же держать совет
На случай сей, оставшееся войско
Мы соберем, всё к делу применим,
Чтоб Наш престол, святилище и сан
Высокий не утратить невзначай!"
В ответ, подняв спокойный, чистый взор
И несказанный излучая свет,
Сын возгласил: "Всевластный Мой Отец!
Противников Ты вправе осмеять
И в полной безопасности следить
С улыбкою за праздной суетой
И рвением напрасным бунтарей,
Не чая, вящей славою меня
Они покроют, ненавистью их
Я возвеличусь. Царственную мощь,
Мне данную, чтоб укротить врагов,
Да узрят гордецы и да поймут,
Превозмогу ли бунт иль окажусь
Последним из последних в Небесах."

Так Сын сказал. Но Сатана успел
В полете быстром далеко уйти
С полками, словно россыпь звезд ночных,
Бесчисленными, или россыпь звезд
Рассветных капель утренней росы,
Когда их Солнце в жемчуг превратит,
Сверкающий на листьях и цветах.
Войска минули три тройных страны
Престолов, Серафимов и Господств,
Три царства, пред которыми, Адам,
Твои владенья словно Райский Сад
Пред всей Землей и Морем, коль поверхность
Земного шара развернуть в длину.
Пройдя все эти области, они
Достигли Полночи, а Сатана
Своей твердыни, вдалеке, с горы,
Сиявшей на огромной высоте.
Вздымались башни, грани пирамид
Из глыб алмазных, золотых кубов,
Сие звалось чертогом Люцифера
Великого на языке людей.
С Творцом тягаясь, Враг, по образцу
Горы, с которой был провозглашен
Мессия, высоту свою нарек
Горой Собранья, ибо он сюда
Когорты подначальные стянул,
Как бы для обсужденья торжества
Прибытия Мессии, но, укрыв
Коварным красноречьем клевету,
Он, якобы правдиво, речь повел:
"Престолы, Силы, Власти и Господства!
Коль ваши званья пышные пустым
Не стали звуком с некоторых пор,
Когда приказ Другому власть вручил
Над нами, наименовав Царем
Помазанным, всех выше вознеся,
Затем и этот спешный марш ночной,
И этот срочный сход: какой почет

Неслыханный измыслим для Того,
Кто раболепства требует от нас
Доселе небывалого? Платить
Подобострастья дань и падать ниц
Перед Одним безмерно тяжело,
Но разве не двукратно тяжелей
Двойное пресмыканье пред Всемощным
И Тем, кого Он образом Своим
Провозгласил? Быть может, призовет
Вас благородный помысел совлечь
Покорности позорное ярмо,
Иль вам сгибать хребты и преклонять
Колена раболепные милей?
Нет не милей, поскольку знаю вас,
Поскольку узнаете вы себя
Сынами Неба, коими досель
Никто не обладал! Мы не равны,
Зато равно свободны. Званья, ранги
Свободе не помеха и вполне
С ней совместимы. Но какой указ,
Какое рассуждение дают
Кому-то право нас поработить
Самодержавно, если мы Ему
Равны, пусть не могуществом не блеском,
Но вольностью исконной? Для существ
Безгрешных заповеди не нужны,
А менее всего такой закон,
Который навязал бы нам Царя,
Принудил обожать Его, поправ
Достоинство имперских наших рангов,
Свидетельствующих, что нам дано
Не пресмыкаться, но повелевать!"
Без возражений дерзостным словам
Внимали все, один лишь Серафим
Воспрянул Абдиил. Пред Божеством
Благоговевя и Царю Небес
Покорный несравненно, воспылав
Непримиримой ревностью, он так
Неистовству Врага противостоял:

"О, лживый, чванный, богохульный зов!
О, речь, которой Небо никогда
Не ждало, особливо от тебя,
Неблагодарный, вознесенный столь
Над равными Князьями! Как ты смел
Святую волю Господа хулой
Кошунственной чернить и осуждать
Скрепленный клятвой праведный завет,
Что пред Его Единосущным Сыном,
Кому Господь вручил монарший скиптр,
Повинны мы колена преклонить,
Миропомазанника в Нем почтив!
Несправедливым полагаешь ты,
Неслыханно напрасным дать закон
Свободным Духам, равному царить
Над равными и править Одному
Самодержавно и бессменно, власть
Присвоив необъятную. Никак,
Закон ты хочешь Богу предписать,
Никак, ты о свободе хочешь в спор
С Творцом вступить, который сотворил
Тебя, каков ты есть и заодно
Все воинство Небесное, предел
Определив любого бытия?

Мы испытали, сколь Всевышний добр,
Сколь нашим благом озабочен Он
И честью, сколь от помыслов далек
Унизить нас, напротив. Он готов
Нас, под Главой одним объединя,
Возвысить счастье наше. Но пускай
Ты прав и равными повелевать
Негоже равному, но разве ты
Себя, преславный, превеликий, мнишь,
И совокупно весь Небесный сонм,
Сравнимыми с Единородным Сыном,
Творящим Словом, коим Бог-Отец
Все мирозданье создал, в том числе
Тебя и Духов Неба, увенчав
Сияньем славы ангельских чинов,
Нарек прославленные имена
Престолов, Сил, Властей, Начал, Господств.
Он, царствуя не омрачит их блеск,
Но возвеличит, если наш Глава
К нам снизойдет и станет с нами в ряд.
Закон Господень это наш закон.
Монарху воздаваемый почет
На нас же обращается. Уйми
Неистовство преступное! Других
Не совражай! Спешу умерить гнев
Отца и Сына! Милость обрести
Ты можешь лишь немедленной мольбой!"

Так молвил пылкий Ангел, но никем
Поддержан не был. Речь его нашли
Не к месту опрометчивой, чудной,
Что привело Отступника в восторг,
И он еще надменной возразил:
"Ты утверждаешь: мы сотворены,
Притом, второстепенною рукой,
Отец, мол, Сыну это поручил.
Какое странное соображенье
И новое! Кто мог тебе внушить
Шальную мысль? Кто это видеть мог?
Иль помнишь ты свое возникновенье,
Когда ты создан, если бытие
Тебе твое даровано Творцом?
Мы времени не ведаем, когда
Нас не было таких, какими есть,
Не знаем никого, кто был до нас.
Мы саморождены, самовозникли
Благодаря присущей нам самим
Жизнетворящей силе, бег судеб
Свой круг замкнул и предопределил
Явление на этих Небесах
Эфирных сыновей. Вся наша мощь
Лишь нам принадлежит. Рукой своей
Мы подвиги великие свершим,
Чтоб испытать могущество Того,
Кто равен нам. Тогда-то узришь ты,
С покорством ли к Престолу подойдем
Всесильному, хотим ли убедить
Иль победить Небесного Царя.
Ступай! Ты волен мой ответ снести
Помазаннику. Торопись в полет,
Пока с тобою не стряслась беда!"

Он смолк и словно гул глубоких вод,
Глухой пронесся гомон по войскам

Бессчетным, отзываясь на слова
Вождя сочувствием. Но Серафим
Пылающий, один среди врагов,
Ответствовал отважно Сатане:

"Дух проклятый, отверженный Творцом,
Все доброе отринувший! Провижу
Паденье неминуемое твое
И жалких орд, которых ты вовлек
В предательский обман и заразил
Злодейством, казнь твою им суждено
За общую измену разделить.
Забудь о помысле: как свергнуть власть
Мессии. Недостоин больше ты
Его законов кротких. Приговор
Иной, неотвратимый, утвержден
Изменнику. Ты скипетр золотой
Презрел, теперь прими железный жезл,
Который поразит и сокрушит
Твою строптивость. Ты благой мне дал
Совет. Я удаляюсь, но отнюдь
Не по твоей указке не ввиду
Угроз твоих, нет, я хочу быстрее
Покинуть нечестивые шатры
Преступные, пока грозящий гнев
Внезапным пламенем не охватил
Всех, без разбору. Вероломный, жди,
Гром скоро поразит твою главу
И огонь всепожирающий! Поймешь
Тогда, в стенаньях, кем ты сотворен
И кто тебя способен истребить!"

Так Абдиил, единый Серафим,
Соблюдавший верность среди неверных Духов,
Промолвил. Он, единый среди лжецов
Несметных, оболъщенью не подпал,
Отважный, непреклонный, он сберег
Любовь, присягу, рвенье. Ни пример,
Ни численность повстанцев не могли
Поколебать его и отлучить
От истины, хоть противостоял
Он, одинокий, всем. Сквозь их ряды,
Под улюлюканье враждебных толп,
Он долго шел, насилья не страшась,
Достоинно изымательства терпел,
К надменным башням, обреченным рухнуть,
С презрением оборотив хребет.